

УДК 165.0

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Д.В. Винник

В статье рассматривается соотношение понятий обмана, лжи и эпистемической лжи. Делается вывод, что теоретико-познавательное понятие истины генетически восходит к понятию обмана. Показано, что понятие обмана поддается онтологизации через натурализацию в коммуникативном аспекте. Попытки редуцировать истину к обману обречены на неудачу. Однако эпистемическая истина может быть онтологизирована, если принять посылку, что истина является свойством самого разумного субъекта на уровне его вычислительной организации. Эпистемическая истина и ложь могут детектироваться техническими средствами, например средствами полиграфии, в качестве специфических внутренних состояний вычислительной (психофизической) системы.

Ключевые слова: онтология, эпистемология, истина, ложь

Обман как онтологическое обоснование лжи

Относительно содержания понятия истины, как известно, существует множество заблуждений. Это обусловлено в первую очередь тем, что слово «истина» используется не только в философском, логическом и научном контекстах, но и в контексте обыденного языка. Напомним, что в философии существуют различные концепции истины: корреспондентная, когерентная, конвенциональная, дефляционная и др. Важно иметь в виду, что независимо от разницы в определении истины сторонники всех этих концепций, пожалуй, согласятся с точкой зрения, что корректное логико-философское, да и общенаучное употребление понятия истины осуществляется с помощью прилагательных «истинно» и «ложно» по той простой причине, что истина и ложь являются свойствами суждений, а не реальности.

Аналитическими философами неоднократно подчеркивался тот факт, что слова «истинный» и «ложный» в обыденном языке и языке литературы часто используются не только в корректном логическом

смысле. Под конструкцией «нечто истинное» часто подразумевается нечто подлинное. Понятие истины вульгарно онтологизируется, благодаря чему появляются такие сомнительные для слуха аналитических философов сущности, как «Предельная Истина», «Абсолютная Истина», и вопросы с претензией на содержательный ответ, способные поставить в тупик некоторых мудрецов, из серии «Что есть Истина?». В Евангелии от Иоанна библейский мудрец, известный как Иисус, в ответ на этот вопрос, заданный Понтием Пилатом, промолчал. Между тем он мог бы ответить что-то вроде: «Истина есть металогическое свойство всякого суждения о соответствии суждения объективной реальности». Впрочем, подобный ответ вряд ли бы устроил Пилата, поскольку, судя по всему, в вопросе подразумевалось получение ответа на вопрос: «Какова самая важная истина?», – т.е. некое крайне важное утверждение о самой реальности, а не о значении соответствующего слова. Так или иначе, метафизические рассуждения о природе и содержании абсолютной истины можно оставить в стороне, тем более что они занимают не так много места в общественной жизни.

Гораздо чаще люди сталкиваются с различными видами обмана, попытками ввести других субъектов в заблуждение в своих интересах. В обыденном языке обман часто именуется ложью. Это в определенной степени оправдано, поскольку обычно обман осуществляется с помощью ложных утверждений. Однако обратим внимание на тот простой факт, что обман может осуществляться вообще без использования утверждений, по крайней мере в явной форме. Обман осуществляется не только дискурсивно-лингвистическими средствами, которые без труда поддаются прямому логическому анализу. Назовем эти другие виды обмана *недискурсивной формой обмана*. В поведении людей, как и у животных, мы можем обнаружить множество аналогов мимикрии. Этим искусством в совершенстве владеют профессиональные мошенники и разведчики-нелегалы, выдающие себя за тех личностей, которыми они не являются в действительности. Военачальники, проводящие мероприятия по дезинформации противника, также практикуют такой вид недискурсивного обмана. Характерным примером является прием древней монгольской армии, заключавшийся в ложном отступлении с целью заманить противника, бросившегося в погоню, в ловушку сокрушительных фланговых ударов. Понятно, что подобного рода поведение формирует у других субъектов ложное убеждение, которое может быть выражено в суждении, но в данном случае важно, что никаких суждений субъектом, продуцирующим обман, не произносится. Должностные лица, вовлеченные в интриги,

и коммерсанты, ведущие конкурентную борьбу, также практикуют подобное искусство недискурсивного обмана. Общественная жизнь навсего пронизана обманом, и в каком-то смысле невозможна без обмана.

С другой стороны, так ли важно, формулировал ли сам субъект свою стратегию обмана дискурсивно, использовал ли он высказывания с целью сформировать у другого субъекта ложное убеждение? Может быть, существенно, что его поведение в принципе может быть выражено в суждениях, а установки другого субъекта – объекта воздействия так же могут быть выражены в суждениях независимо от того, обладают ли сами субъекты способностью к суждению? Если мы отвечаем на этот вопрос положительно, нам открывается возможность логического анализа всех недискурсивных форм обмана, включая биологические и социальные. Таким образом, обман может быть логицизирован средствами философии. Этот подход представляется вполне конструктивным и продуктивным, однако, придерживаясь его, следует иметь в виду разницу между ложью и недискурсивным обманом, впрочем, как и разницу между различными понятиями истины, такими как онтологическая или объективная истина и *истина эпистемическая*.

Разница между объектной истиной и истиной эпистемической наглядно демонстрируется в следующем замечательном «еврейском» анекдоте: «Два еврея едут в купе. – Рабинович, скажите, куда вы едете? – Рабинович думает: «Если я скажу, что еду в Бердичев, он поедет туда же и испортит мне торговлю. Если я скажу, что еду в Тулу, он поймет, что я вру, поедет в Бердичев и испортит мне торговлю. Так я ему скажу, что еду в Бердичев, чтоб он подумал, что я еду в Тулу». – Так куда вы едете, Рабинович? – Я еду в Бердичев. – Нет, вы врете, вы едете в Бердичев» [1]. Действительно, Рабинович произнес объективно истинное утверждение, что он едет в Бердичев, но при этом он *солгал в эпистемическом смысле, поскольку у него было намерение солгать*. Это намерение солгать, разумеется, является металогическим свойством утверждения Рабиновича, но оно относится не к реальности путешествия в Бердичев, а к интенциональным свойствам самого Рабиновича. В конечном счете, с точки зрения физикализма оно относится к состоянию мозга Рабиновича. Состояние мозга Рабиновича, обратим внимание, постулируется как существующее в действительности.

Наверняка не будет большим преувеличением сказать, что искусство обмана является одним из существенных условий развития высоких интеллектуальных способностей, поскольку эта способность лежит в основе рефлексивных игр. Однако социальный обман вряд ли есть что-

то специфически человеческое, – современная этология дает нам колоссальное количество примеров внутривидового и межвидового обмана в мире животных и насекомых. В поведении живых существ можно найти множество приемов, целью которых является обман других особей, как своего, так и другого вида. Феномен мимикрии – пожалуй, наиболее наглядный из них. Смена хамелеоном своей окраски с целью стать неотличимым от внешней среды, очевидно, является способом ввести в заблуждение хищника – сформировать у него представление, что в пределах его зрительного поля хамелеон отсутствует, или, выражаясь иначе, не позволить ему сформировать представление о наличии хамелеона в своем зрительном поле. Поведение столь примитивных живых существ, как вирусы, очевидно, тоже можно без особого труда интерпретировать как некоторую недискурсивную форму обмана.

Как упоминалось выше, понятие обмана содержательно и генетически связано с понятием истины. Иными словами, эти понятия, вне всякого сомнения, родственны. Однако очевидно, что понятие лжи является более фундаментальным по отношению к понятию обмана в философском контексте. Ложь – это понятие, находящееся в отношении противоречия к понятию истины, которое, судя по всему, носит первичный характер относительно понятия лжи. Это обусловлено в первую очередь тем, что существует множество детально разработанных концепций истины, но крайне мало удовлетворительных концепций лжи. Впрочем, если следовать концепции антиномий И. Канта, истина и ложь фактически суть одно понятие, т.е. антиномическая пара. Всякий раз, когда мы говорим об истине, мы подразумеваем и обратное, т.е. ложь, и наоборот. В настоящей статье я исхожу из того, что истина является металогическим теоретико-познавательным понятием, вероятно, самым фундаментальным. Без этого понятия невозможно существование ни науки, ни философии, ни какой бы то ни было формы рационального мышления. Однако важно отметить, что истина не является понятием онтологическим, за исключением такой разновидности истины, как истина эпистемическая, о которой пойдет речь ниже.

Понятие обмана, которое в обыденном мышлении прочно ассоциировано с понятием лжи, в действительности является менее фундаментальным понятием. Оно функционирует как понятие психологическое, в том числе народно-психологическое, как понятие биологическое и как эпистемическое, т.е. относящееся к такому разделу логики, как логика эпистемическая. Однако с определенной точки зрения, которая будет раскрыта ниже, понятие обмана является и онтологическим – в том

смысле, что обман есть реальная форма поведения множества биологических существ, даже тех, которые не принято считать разумными. Эту форму поведения, очевидно, не так просто вычленишь, для этого требуются специальные процедуры наблюдения и аналитического вывода, тем не менее обман – регистрируемое понятие. В этом смысле понятие обмана является более первичным, чем понятие лжи или истины, точно так же, как процедура перечисления предметов или даже их простого подсчета первична по отношению к такому крайне абстрактному понятию, как число.

Попытки натурализации понятия истины

Попытки редуцировать понятие истины к понятию обмана, или дезинформации, принимались неоднократно. Такие попытки всегда исходили не из среды логиков, а из среды ученых – представителей конкретных наук, склонных погружать понятие истины в коммуникативный контекст. Можно утверждать, что это были попытки натурализации понятия истины. Одну из подобных попыток можно наблюдать в статье доктора филологических наук и кандидата философских наук В.И. Свинцова «Квалификаторы “истинно” и “ложно” на непропозициональных уровнях». Вот что пишет этот автор: «В самом деле, если в основе истины действительно лежит отношение соответствия, то трудно объяснить, почему истинностная квалификация продуктов познания должна начинаться только на пропозициональном уровне и этим же уровнем заканчиваться (ограничиваться). С одной стороны, противоположность адекватного и неадекватного отражения действительности достаточно отчетливо проявляется уже на чувственной ступени познания. С другой стороны, трудно согласиться и с тем, что суждение есть единственный репрезентат истины (как и лжи) в сложной сфере ментально-вербальной деятельности человека» [2].

Рассуждения В.И. Свинцова выглядят разумно, однако обратим внимание, что он использует необычную, более того, странную для логики конструкцию – «репрезентат истинь». Использование такой конструкции подразумевает, что не истина есть некое внешнее свойство высказываний, а напротив, высказывания являются формой репрезентации уже некой существующей истины. Иными словами, истина онтологизируется, ей приписывается экзистенциальный квантор: «Исследуя действие истинностных механизмов и не ограничиваясь при этом пропозициональным уровнем, правомерно задаться вопросом: а не действует ли

некий истинностный потенциал “ниже” предпропозиционального уровня? Иными словами, можно ли говорить о “прообразе” истины, имеющемся в объекте познания, прежде всего в самой природе? Такая постановка вопроса не обязательно должна вызывать философские реминисценции в духе концепций истины Больцано, Гуссерля или, скажем, Фреге (для которого истина, как известно, была денотатом всех истинных, а ложь – ложных высказываний); она отнюдь не противоречит и диалектико-материалистической теории познания» [3].

Следует отметить, что В.И. Свинцов фактически признает, что попытка перенести понятие истины в биологию наталкивается на связанные с полнотой знания существенные трудности, характерные для множества редуционистских программ: «Например, волк, натираясь о шкуру убитой овцы, может имитировать ее запах и тем самым привлекать новую жертву (так называемый торговый рефлекс). Оценка различных эпизодов коммуникации животных в терминах “трансформация” и “дезинформация” представляется вполне естественной. [В одном из этологических исследований упомянутый “торговый” рефлекс хищников характеризуется как средство “запаховой” дезинформации. В то же время квалификаторы “истинно” и “ложно” (к которым, безусловно, семантически восходят понятия трансформации и дезинформации) в подобных ситуациях применяются крайне редко, преимущественно как метафоры. Чем объяснить трудность этого перехода? Ответ, казалось бы, ясен: передачу истинных и ложных сообщений в сфере межличностного человеческого общения мы привычно связываем с проблемами свободного выбора, прогнозируемого коммуникативного эффекта, моральной ответственности информатора. Ни один из этих элементов в бессознательном поведении животных по общему правилу не усматривается. В противном случае упомянутую выше ситуацию с волком, трущимся о шкуру забитой им овцы, следовало бы истолковать как “циничный обман”, как коварное использование одного убийства для подготовки последующих» [4].

В самом деле, почему поведение волка не стоит интерпретировать как обман, пусть и не циничный? Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимается под обманом. Определения понятия обмана будут рассмотрены ниже.

В любом случае, какие бы то ни было попытки редуцировать теорию истины к теории обмана, вне всякого сомнения, обречены на неудачу, равно как обречены на неудачу попытки свести понятие натурального числа к процедуре пересчета предметов. Даже если нам очевидна генетическая связь этих понятий с точки зрения археологии мышления,

подобного рода объяснительные попытки будут страдать существенной неполнотой теоретического содержания. Неудачи редукции логики к психологии в начале XX в., наглядно это продемонстрировали. Особенно четко причины принципиальной невозможности такой редукции проанализировал Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» [5], сам предпринимавший подобную попытку. Тем не менее анализ отношений обмана и лжи с точки зрения эволюционной эпистемологии и эпистемической логики представляется продуктивным, так как он может пролить свет на некоторые аспекты функционирования лжи и, соответственно, истины в реальных коммуникативных отношениях живых и разумных субъектов.

Попытки редукции истины бесплодны, однако это не означает, что бессмысленны всякие попытки онтологизации истины. Одна из таких явных амбициозных попыток была предпринята А. Секацким в книге с громким названием: «Онтология лжи» [6]. Вот как он ставит вопрос в главе «Природная колыбель лжи»: *«Вопрос о том, существует ли в природе ложь до и помимо человека, так или иначе, занимает биологов уже несколько столетий. Между тем в самой природе лжи не существует – ложь существует до и помимо природы»* [7].

Оставим в стороне идеалистические воззрения А. Секацкого. Гораздо больший интерес представляют иные его рассуждения, основанные на исследованиях Дж. Мэйнарда Смита и Р.Л. Триверса.

Ход рассуждений Дж. Мэйнарда Смита [8] следующий. При конкуренции самцов за обладание самкой в популяции всегда имеется соотношение «ястребов» и «голубей» (примерно 7:5). «Ястребы» вступают в сражение за самку, «голуби» этого не делают. Гены «ястребиности» и «голубиности» имеют свои преимущества и недостатки, связанные с риском получить травмы. Благодаря балансу травм в драках за обладание самкой и продолжение рода эти гены воспроизводятся в соответствующей пропорции. Однажды в популяции возникает новый тип поведения – тип «задирь». «Задира» демонстрирует готовность к схватке, однако дальше его поведение зависит от того, кто оказался перед ним: если это «голубь» – «задира» имитирует атаку и получает доступ к самке, если это «ястреб» – «задира» отступает без поединка. С момента своего появления гены «задирности» имеют громадное преимущество: «задира» в конечном счете получает доступ к самке, но избегает травм. Со временем «задир» становится слишком много, и ситуация меняется, когда обычной становится встреча двух «задир»: оба самца принимают угрожающие позы, но ни один не атакует. В результате совокупные потери времени на воспроизведение себе подобных в популяции резко возрастают, помимо прочего

увеличивается стрессовая нагрузка как на «голубей», так и на «ястребов». Популяция теряет жизнеспособность и сокращается до тех пор, пока роковой ген не вымывается из пула путем естественного отбора. На основании этого А. Секацкий делает следующий вывод: «Стало ясно, что устойчивая “стратегия обмана” в природе невозможна, и следует говорить, скорее, о волнах фальсификации, которые набегают, например, на поведение вида или популяции, вызывая цепь разрушений, а затем спадают» [9]. Впрочем, А. Секацкий приводит примеры устойчивой стратегии обмана, в частности стратегии, характерной для кукушки, однако отмечает, что этот вид оказался в эволюционном тупике, поскольку посчитано, что подкладывание кукушкой яиц в чужие гнезда в условиях современной среды энергетически более рискованно и затратно, чем их самостоятельное высидывание.

Согласно А. Секацкому, ложь является «сверхоружием» человека в отношении животных: «Нетрудно представить, какие возможности в этом отношении таит в себе стабильный источник лжи, ее постоянный генератор. “В чистом виде” действие сверхоружия можно продемонстрировать на примере экспериментальных неврозов, остающихся объектом изучения физиологии с начала XX в. У животного с помощью подкрепления вырабатывается реакция ожидания на условный раздражитель, – допустим, звук метронома с частотой 2 удара в секунду. А с помощью разряда электрического тока у него вырабатывается реакция избегания на условный раздражитель – звук метронома, допустим, с частотой 10 ударов в секунду. Затем экспериментатор начинает сближать частоты – и животное впадает с сильнейший стресс, получивший название экспериментального невроза (можно использовать и световые сигналы, и вообще любой раздражитель, поддающийся дифференцировке). Экспериментатор лишь предъявляет животному безобидные сигналы, вроде звукового метронома, вспыхивания электрической лампочки и т.д., но располагает их в таком порядке, что животное неизбежно “сойдет с ума”, дав явные проявления этого в своем внешнем поведении. Это подлинная власть над природными процессами!» [10].

А. Секацкий полагает, что человек в отличие от животных – первое существо, которое выработало, с одной стороны, механизмы генерации, а с другой стороны, механизмы устойчивости перед ложью: «Человек – первый и единственный пока субъект, сумевший обжить, обуздать квази-пространство лжи и сделать его измерения измерениями собственного сознания. Родовые признаки сознания “сапиентного” типа – способность генерировать ложь и неразрушаемость ложью. Мы уже видели, какие разрушения в природе производят вспышки стихийной фальсификации» [11].

В. Секацкий ссылается на Б.Ф. Поршнева, выдвинувшего любопытную гипотезу о роли лжи в человеческой эволюции, а именно в распространении людей по планете: «Но им стало, несомненно, тесно в смысле трудности сосуществования с себе подобными. Старались ли они отселиться в особенности от палеоантропов, которые биологически утилизовали их в свою пользу, опираясь на мощный и неодолимый нейрофизиологический аппарат интердикции? Или они бежали от соседства с теми популяциями неантропов, которые сами не боролись с указанным фактором, но уже развили в себе более высокий нейрофизиологический аппарат суггестии, перекладывающий тяготы на часть своей или окрестной популяции? ...Судя по тому, что расселение ранних неантропов происходило в особенности по водным путям – не только по великим рекам, но и по океанским течениям, на бревнах, – люди искали отрыва сразу на большие дистанции, передвигаясь при этом или одиночками, или небольшими группами» [12]. Иными словами, согласно Б.Ф. Поршневу, человеческие популяции бежали от своих соседей-обманщиков, с которыми крайне тяжело было сосуществовать.

Рассуждения А. Секацкого, вне всякого сомнения, содержательны и представляют философский интерес. Он выдвигает неожиданные гипотезы и предлагает увидеть столь же неожиданные следствия, однако заметна и попытка поэтизации лжи в метафизическом ключе, как некоей надприродной области бытия, которую человек сумел интегрировать в свое сознание. Более того, можно утверждать, что эта область, согласно А. Секацкому, является самой сущностью разума. В этой связи вспоминаются загадочные слова Анаксимандра, который говорил, что человеческий разум смешан с небытием. В данном случае это пространство лжи как пространство иллюзорности, т.е. небытия, по отношению к пространству истины как подлинности, т.е. бытия.

Дефиниции обмана

Согласно статье Дж.Э. Махона «Определения лжи и обмана» [13] в Стэнфордской энциклопедии философии, существует несколько различных дефиниций обмана. Наиболее широко обман определяется следующим образом:

D. Обманывать =_{df} быть причиной ложного убеждения.

D1. Обманывать =_{df} намеренно формировать у другого субъекта ложное убеждение.

D2. Обманывать =_{df} намеренно формировать у другого субъекта ложное убеждение, если тот, кто намеренно формирует это убеждение, сам верит в его ложность.

Про определение D А.Ю. Моисеева пишет в своей статье следующее: «Обман, определенный таким образом, не предполагает даже наличия деятеля, поскольку для того, чтобы быть причиной наличия у определенного субъекта определенного (ложного) убеждения, не обязательно самому быть субъектом, в сколь угодно широком значении этого слова. Можно быть не только кошкой или собакой, можно быть даже указателем «Выход», указывающим туда, где выхода нет. Ясно, что в этом случае невозможно осмысленно говорить о сознательном выборе между обманом и воздержанием от него. Согласно D1, обман является интерсубъективным действием, т.е. действием одного субъекта с целью воздействовать на другого (или других – множественное число может вводиться из соображений общности и не меняет сути дела) так, чтобы этот другой поверил или продолжил верить в некоторое ложное суждение или предложение. Нелишним будет уточнить, что, согласно D1, приобретаемое обманутым убеждение ложно, вне зависимости от того, верит ли в него обманщик. В данном случае под словом “ложно” подразумевается свойство самого суждения или утверждения, в которое верит обманутый, а не ложь в нашем понимании. Дефиниция D1 кажется вполне приемлемой с точки зрения здравого смысла и при этом философски корректной. Однако недостатком такого определения обмана является то, что ему удовлетворяют все случаи передачи одним субъектом другому собственного искреннего заблуждения. Это определение ближе к бытующему пониманию обмана как сообщения заведомо ложной информации с целью навредить» [14]. И далее про определение D2: «Это определение ближе к бытующему пониманию обмана как сообщения заведомо ложной информации с целью навредить» [15].

А.Ю. Моисеева утверждает, что глагол «лгать» означает само действие, а не его результат. Согласно ее точке зрения, в этом состоит большое преимущество лжи как философской категории перед категорией обмана: «Чтобы квалифицировать некоторый факт как ложь, требуется содержательно описать лишь две вещи: интенциональное состояние говорящего и высказываемое им утверждение. Об адресате нужно знать лишь то, что он имеется и обладает субъектностью, внешний мир вообще не рассматривается. Таким образом, структуру описания можно упростить до двухместного отношения между субъектом и объектом, имеющими четыре перечисленных выше свойства» [16].

Согласно этой точке зрения, представление о биологических феноменах дезинформации исключается из понятия обмана, поскольку в природе обман может вообще не сопровождаться никакими убеждениями.

Существуют ли истина и ложь в компьютере? В строгом смысле слова, судя по всему, нет, поскольку значения «1» и «0» – «истина» и «ложь» лишь приписываются разумными субъектами состояниям логических вентилях, существующим материально в форме наличия или отсутствия заряда, открытого или закрытого клапана. В этом смысле в компьютере не содержится никакой информации без разумного субъекта, способного интерпретировать отдельные состояния или макросостояния логических вентилях. Ровно по этой же причине, компьютеры не могут заниматься и дезинформацией.

Подобная точка зрения вполне обоснована, однако она вызывает ряд трудностей с поиском адекватного термина для описания как упомянутых форм биологического обмана, включая деятельность «полувицальных» созданий вроде вирусов, так и дезинформационной деятельности компьютеров, включая компьютерные вирусы. Указанные феномены, между тем, являются той самой «природной колыбелью лжи», как это поэтически охарактеризовал А. Секацкий, – теми онтологическими явлениями, к которым генетически восходит наше теоретико-познавательное понятие лжи.

Обратим внимание, что существует подход, предполагающий приписывание компьютерам «производной» интенциональности, как это делает Д. Деннет [17]. Если принимать его концептуальный каркас, то следует признать, что компьютеры могут лгать, вводить друг друга в заблуждение, т.е. обманывать, точно таким же образом, как это инстинктивно делают некоторые животные.

Гораздо более существенным представляется следующее: вычислительная система, будь то компьютер или нервная ткань, способная к обману или лжи, независимо от того, является ли она подлинно интенциональной, т.е. сознательной, *представляет собой более сложную систему по отношению к подобным же системам, к обману или лжи не способным*. Причина заключается в том, что такая система должна содержать в себе модель другой системы, которая вводится в заблуждение. *С этой точки зрения ложь в эпистемическом контексте является более содержательной, чем истина в том же самом контексте*. Этот тезис имеет свои эмпирические подтверждения. Как известно, человек, намеренно лгущий, согласно данным психофизиологии, отвечая на вопросы, существенно дольше думает, более того, его психофизические парамет-

ры содержательнее по своим амплитудным характеристикам. Таким образом, эпистемическая ложь является в буквальном смысле свойством самого субъекта, так как она регистрируема.

Полиграф и смаллиановская стабильность

Как было отмечено выше, эпистемическая истина, равно как и эпистемическая ложь, может быть приписана только суждениям, в которых идет речь об убеждениях или знаниях субъекта, а не о некотором объективном положении дел в независимой от сознания реальности. Эпистемическая истина может характеризовать логическое значение таких высказываний, как «*X знает, что Земля вращается вокруг Солнца*», «*У убежден, что утром его непременно расстреляют*», «*Z знает, что его обманывает деловой партнер*», «*D верит, что С считает, что ему удалось обмануть D*» и т.п. Можно утверждать, что эпистемическая истина является не просто абстрактным логическим значением суждения, индексом соответствия высказывания реальности или непротиворечия другим высказываниям, а свойством самого субъекта – носителя того или иного убеждения.

Поскольку субъекты материальны, в некотором смысле эпистемическая истина является одноместным предикатом, а не двухместным, в отличие от объектной истины, которая является формой отношения высказывания к внешней реальности. Можно возразить, что эпистемическая истина есть отношение высказывания к состоянию мозга говорящего, т.е. к некоей внешней реальности по отношению к высказыванию также, но, согласитесь, в данном случае термин «внешняя реальность» трактуется весьма расширительно. Так поступают, например, радикальные сторонники семантического экстернализма. *В данном случае существенно то, что эпистемическая истина – это не только гносеологическое, но и онтологическое понятие*, поскольку является свойством самого субъекта, причем свойством наблюдаемым, например, с помощью полиграфии. В этом смысле эпистемическая истина первична по отношению к истине объектной. Подобной точки зрения, судя по всему, придерживался Ф. Бэкон, который утверждал, что если природа не открывает свои тайны, ее следует пытать, т.е. применять экспериментальный метод. Действительно, самым надежным способом установления эмпирической истины в древности считалась именно пытка. Сейчас, к счастью, так не считается.

Тем не менее вопрос о соотношении объектной и эпистемической истины является в высшей степени дискуссионным, особенно это касает-

ся возможности сделать корректный вывод от одного типа высказывания к другому типу.

Эту проблему подробнейшим образом анализирует представитель эпистемической логики Р. Смаллиан, построивший ряд интересных моделей, в которых фигурируют разумные субъекты разных типов: «Мы называем Мыслителя стабильным, если для каждого предложения p , если он верит в p , тогда он на самом деле верит в p . Мы называем мыслителя нестабильным, если он не является стабильным, то есть если имеется по крайней мере одно предложение p такое, что Мыслитель верит, что он верит в p , но на самом деле он не верит в pНестабильность представляется столь же странной психологической характеристикой, как и странность» [18]. Далее: «Мы отметим, что стабильность обратна по отношению к нормальности. Если нормальный Мыслитель верит в p , тогда он верит в Vp , в то время как если стабильный Мыслитель верит в Vp , тогда он верит в p » [19].

Формула Vp означает «верю, что p ». Нестабильность является действительно странной психологической характеристикой, но настолько ли невозможной, особенно относительно вопроса «как возможна несознательная ложь?», поставленного А. Моисеевой в названии ее статьи? Очевидно, что существуют математики, которые верят, что они верят, что первая теорема Геделя истинна. Может оказаться, что проверка таких математиков на детекторе лжи выявит, что некоторые из них на самом деле не верят в истинность этой теоремы. Это вполне представимо, так как известно, что человек может иметь убеждение на сознательном уровне, подкрепляемое множеством дополнительных сознательных допущений, но при этом не иметь глубокой убежденности, испытывать серьезные подсознательные сомнения в истинности своего убеждения.

Далее, вспомним одну из известных задач, которую можно описать как принадлежащую к классу смаллиановских, хотя ее придумал Н. Гудман. Напомним, что существенным признаком таких задач является наличие субъектов, которые всегда говорят правду или всегда лгут, когда им задают вопросы. Так уж устроен их разум: одни не могут лгать, а другие не способны изрекать правдивые суждения. Для удобства Р. Смаллиан называет их Рыцарями и Плутами соответственно. Вот как формулирует задачу сам Р. Смаллиан для демонстрации своей теоремы в популярном изложении: «Теорема II есть основание знаменитой проблемы, изобретенной философом Нельсоном Гудменом. Проблема формулируется так: предположим, что вы прибываете на остров Рыцарей и Плутов и хотите узнать, есть ли на острове золото. Вы встречаете Оби-

тателя и вам позволено задать только один вопрос, на который можно ответить только “да” или “нет”. Какой вопрос вы задали бы ему? Предположим, что Обитатель говорит: «Я есть Рыцарь, если и только если на острове есть золото». Тогда согласно Теореме II (где в качестве p выступает предложение, что на острове есть золото) мы видим, что на острове должно быть золото, хотя мы не можем определить, является ли Обитатель Рыцарем или Плутотом» [20]. Теорема II звучит следующим образом: «Пусть дано некое предложение p , и предположим, что Обитатель говорит: “Я есть Рыцарь, если и только если p ”. Тогда p должно быть истинным независимо от того, является обитатель Рыцарем или Плутотом» [21].

В рамках логической модели, созданной для этой задачи, характерно, что в условиях крайне ограниченного эпистемического ресурса (возможность задать один закрытый вопрос) существует альтернатива: 1) выявить эпистемическую истину, т.е. определить, кто есть Рыцарь, а кто Плут; 2) выявить объективную истину, т.е. узнать, есть ли на острове золото.

Данная модель в принципе может быть обращена на реальность. Переформулируем задачу содержательным образом. Представим некое государство, на связи с которым находятся два особо засекреченных Разведчика в тылу врага, про которых контрразведке стало известно, что один из них Рыцарь, т.е. преданный государству служака, а второй – Плут, т.е. предатель, двойной агент, завербованный вражеской разведкой. Согласно строгим бюрократическим правилам Связной из службы безопасности государства может задать один-единственный закрытый вопрос одному из Разведчиков с помощью тайника, доступ к которому имеют оба Разведчика. Кто из разведчиков первый заберет послание с вопросом, неизвестно. Разведчики настолько законспирированы, что они могут ответить на вопрос, оставив в нужном месте камень, либо не оставив его в определенное время. Ситуация осложняется тем, что поступили сведения, что враждебное государство, возможно, планирует нанести атомный удар. В данной ситуации Связной оказывается перед дилеммой, в чьих интересах важнее выполнить задачу: в интересах разведки или контрразведки, т.е. выявить предателя или узнать, действительно ли враг намерен начать атомную войну. Очевидно, что вторая задача является более важной для существования государства, чем выявление двойного агента.

Эту модель можно попытаться применить к реальной деятельности служб безопасности. В ней существенны следующие элементы, которые можно обобщить: а) наличие вызывающих доверие источников информации; б) наличие предателей, которые лгут; в) наличие коммуникативного ресурса, который всегда является ограниченным.

В действительности доверенные источники тоже лгут, но делают это мало и несущественным образом, предатели лгут далеко не всегда, так как вынуждены предоставлять достоверные сведения для сохранения работы и продвижения по службе, закрытые вопросы крайне редко имеют место, но время и частота бесед обычно ограничены соображениями конспирации. Впрочем, если агентов тысячи, модель может работать, поскольку эти факторы статистически смягчаются большими числами. Существует рынок информации, где есть спрос на информацию и ее предложение. Информация в первую очередь подлежит натуральному обмену. Расчет эффективного баланса между интересами разведки и контрразведки возможен только в случае, если рынок является макроэкономическим, а не монополистическим с очень ограниченным количеством игроков. Всякая контрразведка в первую очередь стремится вычислить всех лжецов. Если система безопасности государства ориентирована прежде всего на выявление лжецов, она, пожалуй, добьется в этом успеха, но есть основания полагать, что в результате такой стратегии будет потеряна содержательная истина в угоду истине эпистемической. Как известно, разведка ориентирована в первую очередь на получение достоверной информации, а не на поиск предателей. Следует иметь в виду, что у агента не всегда есть возможность достоверно оценить приоритет видов информации – какую доносить достоверно, а какую скрывать и искажать. Таким образом, даже если предположить, что вся разведслужба состоит из одних предателей, по закону больших чисел высшее политическое руководство будет получать в том числе и достоверные сведения, причем в немалом количестве.

Если в соседнем государстве создается широкая разведывательная сеть агентов низкого уровня, например под прикрытием некоммерческих организаций, для разведслужбы не столь важно, какое количество их будет перевербовано контрразведкой. В любом случае эти агенты будут поставлять в том числе и достоверную информацию. Если подобных агентов очень много, этой информации будет достаточно для работы аналитиков, чтобы получить в целом достоверную картину процессов, происходящих в стране пребывания.

Впрочем, нельзя отрицать тот факт, что в действительности выявление предателей позволяет установить и объективную истину, потому что предателей порой можно разговорить. Однако вопрос доверия к утверждениям предателей остается открытым. Повысить доверие к этим утверждениям можно с помощью средств психофизической детекции лжи. Следует отметить, что прогресс в средствах психофизической детекции

лжи открывает широкие возможности не только для выявления лжецов в интересах служб безопасности, но и для оценки искренности экспертов в экспертных опросах, например для увеличения надежности дельфийского метода. Однако эффективность применения данной технологии для калибровки экспертных вопросов зависит от ответа на следующий теоретический вопрос: зависит ли истина объектных суждений от веры экспертов, что они верят в истинность этих суждений?

Вернемся к идеализациям нормальных и стабильных Мыслителей с некоторыми модификациями. Заменяем Мыслителей на Экспертов. Допустим, что Эксперты никогда сознательно не лгут, но могут на самом деле не верить в некоторые свои убеждения. Это означает, что все эксперты не являются стабильными, однако свойство стабильности можно применять к ограниченному множеству суждений, на что указывает сам Р. Смаллиан.

Если Эксперт нормальный:

$$(1) Vp \rightarrow VVp.$$

Если Эксперт стабильный:

$$(2) VVp \rightarrow Vp.$$

Утверждения типа VVp являются доступными в публичных высказываниях Экспертов в форме утверждений Экспертов, что p . Это может звучать странно, но если VVp , то результаты экспертизы принимаются как истинно, что p . Это основано на допущении, что Эксперты делают только формально доказуемые утверждения. Утверждения типа Vp являются реальными внутренними убеждениями Эксперта. Поэтому допустим, что только полиграф способен выявить Vp или $\neg Vp$, т.е. верит ли Эксперт на самом деле в истинность своего убеждения или нет, *принимает* ли он это убеждение или нет [22].

Если Эксперт стабильный:

$$(3) \neg Vp \rightarrow \neg VVp.$$

Это означает, что если эксперт не принимает своих убеждений, то вера в собственные убеждения Эксперта в форме публичных высказываний, что p не может быть истинной.

Если Эксперт нормальный:

$$(4) \neg(\neg Vp \rightarrow \neg VVp).$$

Иными словами, если нормальные Эксперты *не верят в истинность собственных убеждений* на глубинном уровне, это *не имеет значения по отношению к вопросу о валидности экспертного опроса!* Истинность высказывания ВВр останется недоопределенной с точки зрения формальной логики.

К сожалению, мы не обладаем знаниями о распределении свойств *смаллиановских нормальности и стабильности* в реальных актах мышления. Поэтому если мы имеем случай детекции ложного убеждения Эксперта, мы можем сделать заключение, что Эксперт нестабилен. Если мы имеем случай, когда Эксперт делает ложное заключение, но при этом с помощью полиграфа выяснится, что он верит в его истинность, это будет означать, что Эксперт ненормален.

Трудно сказать, что хорошо для надежной экспертизы с точки зрения требований доказуемости. Это зависит от того, какой версии философии математики мы придерживаемся: интуитивистской или конструктивистской. С точки зрения конструктивизма очевидно, что менее негативным феноменом является нестабильность. Мало ли по каким причинам Эксперт не верит в свои убеждения? Вдруг он просто так и не смог принять всей душой истинность аксиом, лежащих в основе его доказательства? Гораздо важнее, что истинность суждений подкреплена на более высоком рефлексивном уровне, в который «вмонтирована» мощная формальная система обоснования предложений. То, что эти убеждения не могут быть погружены до самых оснований, вряд ли имеет большое значение, т.е. нарушение сохранения истинности при понижении уровня рефлексии не является критическим феноменом. С точки зрения интуитивизма все должно обстоять несколько иначе: самым отвратительным свойством должна быть именно нестабильность, поскольку утверждения, в основе которых не лежат глубокие убеждения, не имеют цены. Другое дело, когда такое имеет место при повышении уровня рефлексии, т.е. субъект не способен транслировать свои убеждения на более высокий ее уровень. Ненормальность, препятствующая повышению уровня рефлексии некоего утверждения, вряд ли бы вообще кому-то понравилась, поскольку она способна оставить в дураках любого.

* * *

Можно сделать вывод, что теоретико-познавательное понятие истины генетически восходит к понятию обмана. Понятие обмана поддается онтологизации через натурализацию в коммуникативном аспекте, формализуемому в биологии и кибернетике. Тем не менее попытки редуциро-

вать истину к обману обречены на неудачу по той причине, что истина как металоогическое понятие является понятием крайне высокого уровня абстракции. Существует такая специфическая разновидность истины, как истина эпистемическая. Вопрос о соотношении объектной истины и истины эпистемической является в высшей степени дискуссионным. Тем не менее эпистемическая истина может быть онтологизирована, если принять посылку, что истина есть свойство самого разумного субъекта на уровне его вычислительной организации. Эпистемическая истина и ложь могут детектироваться техническими средствами, например средствами полиграфии, в качестве специфических внутренних состояний вычислительной (психофизической) системы. Характерно, что эпистемическая ложь является более содержательной, чем эпистемическая истина как такое состояние. Полиграфия может быть использована для калибровки экспертных опросов, поскольку возможна ситуация, когда эксперт не принимает те убеждения, в которые он верит и, которые, соответственно, выносит в речевых актах, обосновывая их концептуально. Даже если данные полиграфии не будут иметь значения применительно к задаче калибровки, оценка соотношений глубинной истинности убеждений и веры в них на концептуальном уровне у человеческой популяции представляется крайне интересной.

Примечания

1. Меген А. Еврейские анекдоты. «Еврей сошел на вокзале в Берлине...» // EVROFILM – Еврейский медиапортал. – URL: <http://evrofilm.com/evrejskie-anekdoty-evrej-soshel-na-vokzale-v-berline.html> (дата обращения: 11.11.2014).
2. Свицков В.И. Квалификаторы «истинно» и «ложно» на непропозициональных уровнях // Философские науки. – 1987. – № 3. – С. 55.
3. Там же. – С. 60.
4. Там же. – С. 57.
5. См.: Гуссерль Э. Логические исследования. // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994.
6. См.: Секацкий А. Онтология лжи. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
7. Там же. – С. 8.
8. Maynard Smith J. The Theory of Evolution. – Harvard, 1975. – P. 95–96.
9. Секацкий А. Онтология лжи. – С. 11.
10. Там же. – С.12.
11. Там же. – С.13.
12. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974. – С. 377–378.
13. См.: Mahon J.E. The definition of lying and deception // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition). – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/lying-definition/> (дата обращения: 25.10.2014).

14. *Моисеева А.* Как возможна несознательная ложь? // *Философия науки.* – 2014. – № 4 (63). – С. 64.
15. Там же.
16. Там же. – С. 65.
17. См.: *Винник Д.В.* Физические, функциональные и ментальные состояния: Проблема соотношения // *Философия науки.* – 2010. – № 2. – С. 92–104.
18. *Смаллиан Р.* Вовеки неразрешимое: Путь к Гедделю через занимательные загадки. – М.: Канон, 2013. – С. 202.
19. Там же.
20. Там же. – С. 27–28.
21. Там же. – С. 27.
22. См.: *Моисеева А.Ю.* Как возможна несознательная ложь?

Дата поступления 15.04.2015

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск

dvinstor@gmail.com

Vinnik, D. V. Epistemic lie as an ontological conception

The paper considers correlation between the conceptions of fraud, lie and epistemic lie. The conclusion is made that in the genetic aspect theoretical and cognitive conception of truth originates in the conception of fraud. It is shown that the conception of fraud may be ontologized through naturalization in the communicative aspect. Attempts to reduce truth to fraud are doomed to failure. Nevertheless, epistemic lie may be ontologized if we accept the premise that truth is an attribute of a reasonable person at the level of his or her computing structure. Epistemic truth and epistemic lie may be detected by technical means (for example by polygraph) as specific inner conditions of computing (psychophysical) system.

Keywords: ontology; epistemology; truth; lie